

Дмитрий Мережковский

Железное кольцо

*Часть сборника
Данте (сборник)*

Итальянские новеллы

Дмитрий Мережковский

Железное кольцо

«Public Domain»

1890-е

Мережковский Д. С.

Железное кольцо / Д. С. Мережковский — «Public Domain»,
1890-е — (Итальянские новеллы)

«Графиня Виоланта, стоя перед зеркалом, отказывалась надеть роскошное белое платье и капризничала, по своему обыкновению, к большому горю старой няни, фрейлин и прислужниц.— Наденьте белое платье, – упрашивала няня, – утешьте старуху, не упрямитесь...– Нет, нет, нет, ни за что. Не приставайте. Слово мое твердо. Сказала, что не надену, и кончено...»

Содержание

Дмитрий Сергеевич Мережковский	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Железное кольцо

новелла XV века

Графиня Виоланта, стоя перед зеркалом, отказывалась надеть роскошное белое платье и капризничала, по своему обыкновению, к большому горю старой няни, фрейлин и прислужниц.

– Наденьте белое платье, – упрашивала няня, – утешьте старуху, не упрямытесь...

– Нет, нет, нет, ни за что. Не приставайте. Слово мое твердо. Сказала, что не надену, и кончено...

– Да ведь сам граф, его светлость, наемни изволили приказывать... – пробовала возражать старуха.

– Ах, скажите, пожалуйста, – всплеснула руками негодующая графиня, – это еще что за новости, нынче батюшка мой заботится о цвете моих платьев... Какое ношу всегда, такое и сегодня надену. Ни одного цветочка, ни одной ленточки не прибавлю. Да знаете ли вы, что и так с моей стороны большая любезность и снисхождение выходить на смотрины к этому хваленому заморскому жениху. Может быть, ваш каталонский принц дурен, как обезьяна, и кос, и хром, и уж во всяком случае, я уверена, что он отнюдь не так хорош, как о нем говорят: славны бубны за горами. Вы все только о том и думаете, чтобы я пришлась ему по вкусу, но ведь надо, чтобы и он мне понравился... Я первому встречному руки своей не отдам...

– Мадонна Виоланта, – произнесла почтенная старая фрейлина вкрадчивым голосом, – мы все уверены, что вы, при вашем ясном уме и благородном сердце, вполне понимаете, сколь важны для блага и спасения вашей родины исполнение воли вашего мудрого отца, светлейшего графа и повелителя Тулузы, Рената. Силы народа давно уже истощены долгими кровопролитными войнами с могущественным графом Каталонии. Народ жаждет мира, и ничто не может так надежно закрепить союза нашего с Каталонией, как предлагаемый и столь желанный брак единственной наследницы графа тулузского с единственным сыном короля каталонского, который равно славится телесною красотой, рыцарскою доблестью и несметными богатствами. Вот почему, мадонна Виоланта, не только для вашего собственного счастья, но и для спасения ваших верных подданных, для блага народного...

– Ну, вот-вот, я так и знала, – с нетерпением воскликнула графиня, – вот мы и договорились до блага народного. Господи, да когда же кончится эта мука? Со мной ни о чем говорить не хотят, кроме как о благе народном. И почему я должна жертвовать своим счастьем для спасения отечества? Какое мне дело до вашей политики? Ежели каталонцы и тулузцы так злы и глупы, что не умеют ужиться в мире, – тем хуже для них. Поверьте, никакими союзами этому горю помочь нельзя. Народы всегда найдут удобный предлог, чтобы перессориться и подраться. Не нами это началось, не нами кончится. Пусть же никто не пристаёт ко мне с войнами, союзами, благом народов, со всей этой, нелепою и лживою политикой. Конечно, меня могут силой выдать за вашего хваленого принца, но волей я не пойду...

– Вы знаете, – возразила старая фрейлина, – что король французский согласен был отдать руку дочери своей, каталонскому принцу. Он отказался только для вас, графиня!

– Напрасно. Чересчур много чести! Я ведь об этом его не просила: куда уж мне соперничать с дочерью французского короля!..

– Молва гласит, – не унималась усердная советчица, – что яснейший рыцарь каталонский не имеет подобного себе по красоте...

– Может быть. Впрочем, будь он хром и крив и страшен, как смертный грех, вы объявили бы его первым красавцем в мире, только бы я поскорее вышла за него замуж. И все это, все это

для вашей презренной политики, для блага народного. Какая несправедливость, какая жестокость!

Лучше бы я родилась дочерью бедного угольщика или дровосека, тогда бы никто не отнимал у меня свободы...

И Виоланта, к немалому отчаянию всех нянь, прислужниц и придворных дам, залилась горькими слезами.

– Если так, – воскликнула графиня, и глаза ее вспыхнули грозно, – если все меня покинули, все против меня, то вот не выйду же, назло всем, ни за что не выйду за него замуж, и пусть пропадает вся ваша политика, и каталонцы с тулузцами так подерутся, как еще от начала мира не дрались! Да, да, чего вы смотрите на меня, как на безумную? Не захочу – и не выйду. Вы ведь отлично знаете, что никто ничего со мной не поделает. Слава Богу, в чем другом, а уж в этом я свободна: не даром же, умирая, матушка взяла с отца моего на кресте и на святом Евангелии клятву, что он против моей воли насильно не выдаст меня замуж, хотя бы от этого зависела его жизнь и спасение отечества. Граф Ренат не нарушит столь великой и ужасной клятвы, если бы даже сорок тысяч каталонских принцев требовали руки моей, угрожая войною и низвержением тулузского престола.

При этих словах графини прислужницы, приспешницы, няни и придворные дамы онемели от ужаса. Но мало-помалу гневные морщины на лице Виоланты разгладились, и она прибавила с тонкою и хитрою улыбкою:

– А впрочем, если каталонец сумеет мне понравиться, – чего ему не так-то легко будет достигнуть, – тогда, конечно, другое дело: поживем, посмотрим...

Граф Ренат был суровым и самовластным повелителем, тем не менее, он скорее согласился бы погубить свой народ и сам погибнуть, чем нарушить предсмертную волю нежно любимой и рано умершей супруги и в чем-либо стеснить свободный выбор своей дочери. Это важное условие было известно каталонскому принцу. Но, не будучи самонадеянным, он имел право думать, что слава его рыцарских доблестей, мужества и красоты откроют ему путь к сердцу Виоланты. Итак, граф каталонский выслал своего возлюбленного сына и единственного наследника в сопровождении великолепной свиты для свидания и обручения с невестою. Веянием пестрых шелковых знамен, громом воинственных труб и литавров встречен был юный граф в стенах благородной Тулузы. Взаимные условия утонченной французской вежливости и важного испанского приличия, которые тогда, вследствие близкого соседства обеих сторон, всем и каждому хорошо были известны и в том и в другом государстве, на этом торжественном празднике точно были соблюдены. Во дворце графа Рената произошло свидание жениха и невесты. Виоланта была одета в простое непраздничное платье без всяких украшений, лишь тонкое ожерелье бледного жемчуга окружало белую шею, но эта суровая простота одеяния не уменьшала, а скорее увеличивала прелесть лица ее. Граф каталонский, не умея скрыть своего волнения, жадно смотрел на Виоланту, и по внезапному румянцу и бледности, сменившихся на щеках его, все могли заключить, что стрела крылатого бога, напоенная сладким и мучительным ядом, пронзила сердце благородного рыцаря. Украдкою из-под опущенных ресниц, почти не подымая глаз, Виоланта, в свою очередь, не однажды, а много раз успела взглянуть на юношу. Предубежденная против него чрезмерными похвалами и докучными советами, графиня коварно искала в его наружности, одеянии, в каждом его шаге и движении чего-либо достойного порицания, но ничего не находила и хотя еще не признавалась себе в том, однако втайне уже опасалась, что завистливая молва скорее уменьшила, нежели преувеличила достоинства рыцаря. Но чем больше он ей нравился, с тем большею досадою против себя и против него искала она в графе каталонском каких-либо недостатков и несовершенств. После первой встречи столы с великолепными яствами и драгоценными винами накрыты были на террасе дворца, прохлаждаемой тенью олеандров и журчанием множества фонтанов.

Согласно с обычаем страны, по окончании роскошной трапезы пажы в бархатных ливреях с вышитыми на груди соединенными геральдическими гербами каталонского и тулузского графа стали разносить гостям на золотых блюдах алые гранаты, которые, как всем известно, отличаются необыкновенной сочностью в этих местах и подаются после всякой еды как бы для прохладного омовения и очищения рта от остающегося вкуса разнообразных блюд.

Каталонец, сидевший рядом с Виолантой, взял с блюда несколько плодов, причем одно из гранатовых яблок выскользнуло из руки его. Граф подхватил яблоко на лету, как впоследствии сам рыцарь и многие из очевидцев утверждали, пока оно еще не успело коснуться пола, быть может, для того, чтобы показать ловкость руки своей, с улыбкою поднес свежий плод ко рту и вкусил от него.

Молодая графиня, которая продолжала с коварным любопытством следить за всеми движениями своего соседа, заметила, как он поднял гранат, и потому ли, что так судил рок, или потому в самом деле, что это движение, не лишенное мужественной грации, показалось ей недостойным великого и щедрого повелителя, злобно обрадовалась, как будто нашла то, чего давно искала, и в сердце своем подумала так:

«Вот, наконец, то, чего я ждала и что я предчувствовала. Теперь вижу, сколь справедливы и разумны слова тех опытных людей, которые утверждают, что из всех народов Запада каталонцы самый глупый и алчный народ, истинные скряги. А ведь с первого взгляда мне показалось, что он отличается некоторыми достоинствами. Впрочем, скупости – матери и кормилице всех человеческих пороков – как я слышала от одного из моих наставников, присуще то особенное внутреннее свойство, что скрыть ее вполне и до конца редко удается даже самым искусным и опытным из лицемеров. Ибо в чьем сердце гнездится этот гнусный и страшный порок, тот чувствует горе и досаду не только когда ему приходится лишаться собственного имущества, но и тогда – о диво! – как злейший из врагов его расточает свое сокровище; скупец сокрушается о том более, нежели расточитель, на глазах у коего присвоили бы несправедливо все его собственное имущество, не говоря уже о чужом. А если нрав каталонского принца таков, как я предполагаю, то, – увы! – что ожидает меня, несчастную? Если даже в великом преизбытке он выказывает скупость и готов наклоняться чуть не до земли, чтобы не потерять один ничтожный плод, то уж, конечно, в случае нужды, когда дело дойдет до его собственного золота, окажется он презреннейшим скрягою. А есть ли в мире большее несчастье для благородной и великодушной девушки, чем выйти замуж за человека богатого и скупого? Да избавит меня Господь и Пресвятая Мария Дева от такого страдания и позора! Лучше быть счастливою женою последнего из конюхов, нежели несчастною супругою славнейшего из королей. Бог с ним и со всеми его богатствами! Пусть отец мне говорит все, что ему угодно: не буду я отнюдь такою дурочкою, чтобы сердцу моему и глазам моим доверять меньше, чем молве людской, и ни для какого блага народного, хотя бы мне им уши прожужжали, не пожертвую недолговечным и невозвратимым цветом моей юности».

Когда старый граф Ренат узнал о решении своей дочери и о странной, смешной причине отказа, он почувствовал сперва немалое удивление, потом скорбь, наконец, гнев, но, вспомнив предсмертную мольбу своей нежно любимой супруги и клятву, данную ей, ответил дочери, что не желает причинять ей никакого насилия, а потому откажет каталонцу, какими бы несчастьями ни угрожал этот отказ ему и его народу; затем пошел к своему гостю, нетерпеливо ожидавшему ответа и, заведя речь издалека, упомянув о необъяснимых капризах молодых девушек в делах любви, о безумном и непреодолимом упорстве, с которым женщины нередко настаивают на том, что должно причинить им же самим наибольший вред, любезнейшими словами, какие только мог придумать, объяснил жениху отказ невесты. Несмотря, однако, на все любезности, каждое слово графа тулузского было острым ножом для сердца гордого каталонца, который с этой стороны менее всего ожидал каких-либо препятствий. Роберт затаил тяжелую обиду и с тихою усмешкою выразил мнение, что с подобными прихотями женщин отнюдь не сле-

дует бороться и что такого рода несчастья уже не раз постигали людей гораздо более добродетельных и достойных, чем он. Вот почему, ежели на то будет согласие гостеприимного хозяина, он завтра же намерен пуститься в обратный путь. Но для некоторой услады и утешения в испытанной неудаче ему хотелось бы, по крайней мере, знать, что именно не понравилось в нем прекрасной и добродетельной графине тулузской, так как он питает твердое намерение на будущее время исправиться от своих дурных качеств. Ренату было стыдно солгать и столь же стыдно признаться в легкомысленной прихоти дочери, но так как ничего более не оставалось делать, после некоторого колебания, он объявил каталонцу причину отказа. Гость выслушал его внимательно и промолвил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.